

Теорема Пифагора в космическом ракурсе

“Структурный символизм” Дмитрия Плавинского

Первая в России большая ретроспективная выставка произведений одного из основоположников и лидеров нонконформизма в нашей стране Дмитрия Плавинского открылась в Государственной Третьяковской галерее. Представлены живопись, графика, объекты и инсталляции, созданные с 1958 по 2004 годы. Экспозиция приурочена к возвращению художника в Россию из США, где он жил и работал последние 14 лет.

Дмитрий Плавинский родился в Москве в 1937 году. В 1957 – окончил Художественное училище памяти 1905 года. Принимал участие в выставке, проходившей во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Был членом Горкома графики и часто выставлялся. Эмигрировал в США в 1991 году. Его работы находятся в нескольких американских музеях – в знаменитом Метрополитен-музее, в Музее современного искусства (МОМА), в Виммерли-арт музее (университет Раттерс).

Экспозиция построена не по хронологическому, а по тематическому принципу и включает в себя семь блоков: “Круги каньонов”, “Слово”, “Мера мира”, “Музыка мифа”, “Амальгама, опрокинутая в лазурь”, “Время и природа”, “Мерзость замутнения”. Первое впечатление от выставки – огромное, стихийное многообразие и смешение жанров, стилей, манер выражения, пластических форм. Кажется с первого взгляда, что представлено несколько разных, не похожих друг на друга художников. Но тем не менее, это единый, цельный, весьма усложненный и метафоричный, сугубо личностный образ, как бы вобравший в себя незаурядность, непредсказуемость и неожиданность нонконформистского движения второй половины прошлого века. Даже на фоне уже привычного выставочного бума современного отечественного авангарда эта экспозиция поражает всеобъемлющим, монументальным и многозначительным характером.

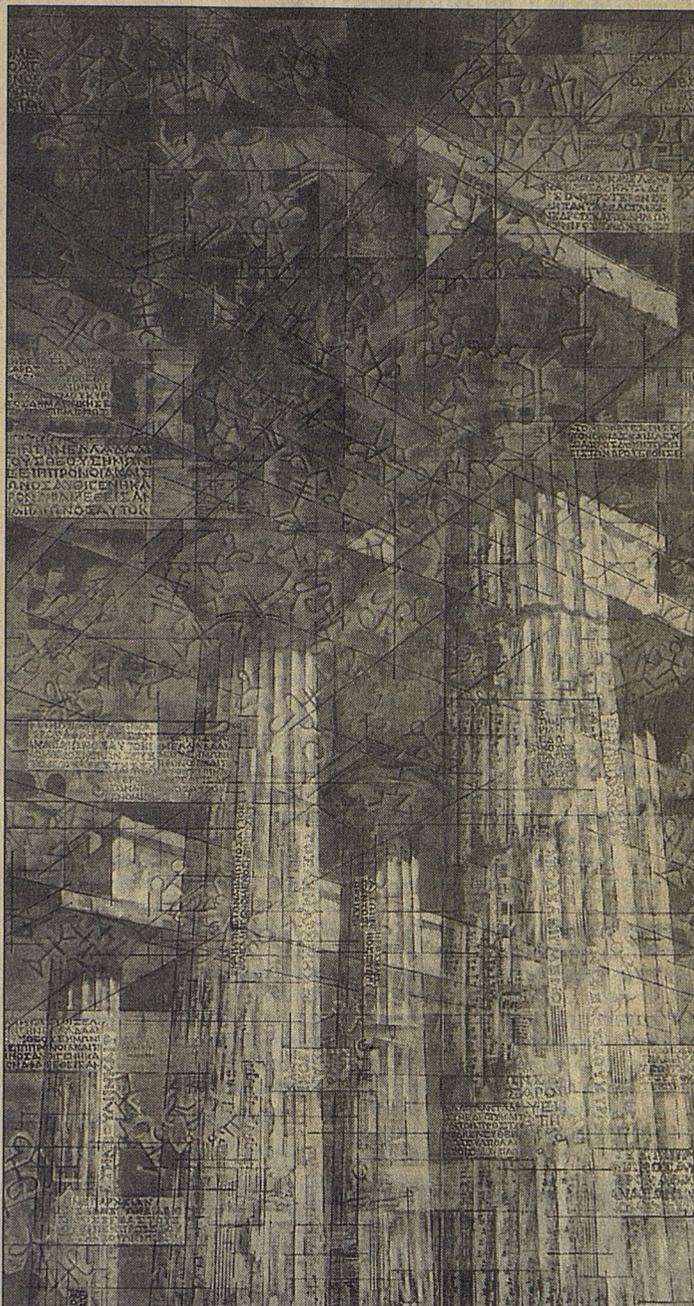
Одно из глобальных направлений творчества Дмитрия Плавинского – почти неограниченное временное пространство, от происхождения жизни на Земле, древнейших рыб, рептилий и первородных организмов, от возникновения первобытных культур, через античность и раннехристианский период до компьютерной эры XXI века. Но это не поступательное историческое развитие мироздания и человеческого общества,

а страшные, разрушительные их катаклизмы, катастрофическое столкновение эпох и цивилизаций, природы и человека. Даже в нынешнем столетии художник предрекает зловещие признаки будущих вселенских апокалипсисов. Он утверждает, что “творения мысли и рук человеческих рано или поздно поглощаются вечной стихией природы: Атлантида – океаном, храмы Египта – песками пустыни. Кносский дворец и лабиринт – вулканической лавой, пирамиды ацтеков – лианами джунглей. Для меня наибольший интерес представляет не расцвет той или иной цивилизации, а ее гибель и момент зарождения следующей”.

Но эти вселенские крушения и бурные возникновения из мрака, хаоса и руин художник выражает целой системой символов, странных, подчас трудно читаемых и предельно зашифрованных. Одним из основополагающих и неожиданных символов является изображение первобытной рыбы, которое вбирает в себя многое – земное и космическое, изначальное и сегодняшнее, страшное прошлое и не менее трагическое будущее. А символ этот возник как бы случайно, от карты нью-йоркской подземки, которая напоминает чертания доисторической ископаемой рыбы. И эта тема “Манхэттен-фиш” простирается до необозримых размеров. “Рыбный” символ настолько экспрессивно-стихийно, что его первоначальный смысл с первого взгляда трудно уловить. Когда же вдумываешься, всматриваешься в этот кажущийся хаос понятий, то возникает вполне определенная знаковая структура, изобразительная образная форма.

Художника привлекают эти зловеще-обостренные и стихийные переходы состояний от древнейшего к новейшему, от миражного к математически точному, от теории чисел Пифагора к взлету солнечных протуберанцев, от выверенного анализа к пронзительной музыкальной пластике.

Но самые усложненные, фантастические произведения Дмитрия Плавинского трудно назвать абстрактными, они в большинстве своем исходят от реальной природы, от совершенно конкретных стимулов. Однако они знаменуют собой не какую-то конечную систему, а очередной переход от отвлеченного знакового к вполне фигуративному, подчас с использованием коллажей, старославянского шрифта, арабской вязи,

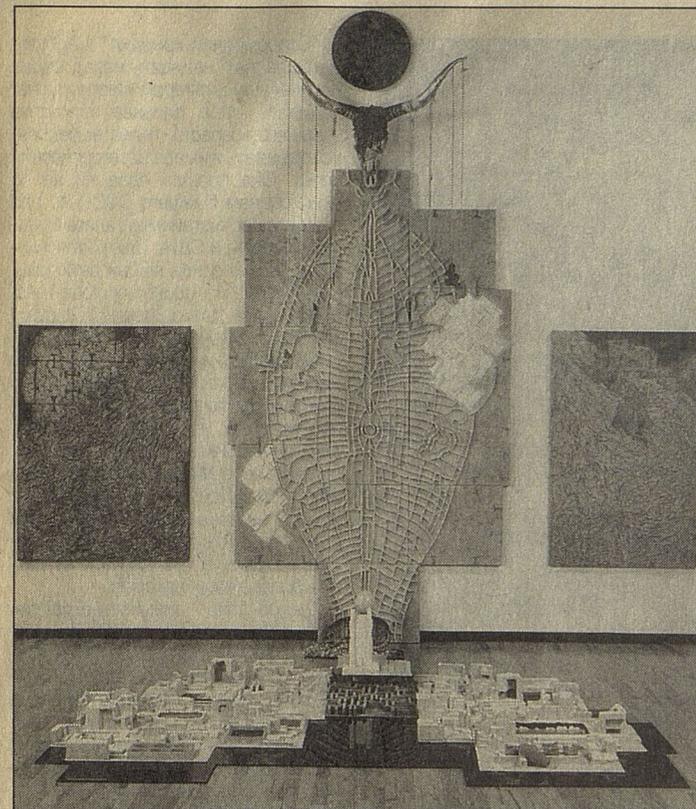

Д. Плавинский. “Колонны Эгины”. 1905 г.

восточных иероглифов и других знаковых понятий.

Как коротко обозначить творчество Дмитрия Плавинского? Сам художник называет его “структурным символизмом”, в котором, по его словам, “единый образ мира расщепля-

ется и обретает ряды символов, погруженных в пласты времени: настоящего, прошедшего и будущего. Разнонаправленность символов, смешение их значений, несовпадение скорости во временном пространстве создают на плоскости картины сме-

“Кносос”. Инсталляция. 1995 г.

шанную рентгенограмму Единого Времени”.

К этому определению я добавил бы еще “космический или мистический символизм”, поскольку одним, пусть даже авторским, термином невозможно охватить все творчество художника, всю его многоплановость, многослойность, мощь и стихийную силу. Но, наверное, и эти определения также приблизительны, точную формулировку сейчас вряд ли можно дать. Время, очевидно, еще не пришло.

Тем более что в одном из разделов Дмитрий Плавинский неожиданно предстает как сугубый реалист, как это ни парадоксально. Это часть графики. Он блистательный натуральный рисовальщик. Особенно в изображении природы, растительного мира, цветов, злаков и листьев. Здесь художник в полной мере показывает не только свое филигранное мастерство, но и глубокие ботанические познания. Этот графический раздел мне кажется наиболее ему близким, даже интимным, каким-то оазисом отдохновения от запутанных симво-

лических построений. И не здесь ли кроется истинность его творческого предназначения, душевная его сущность? Посмотрите, с каким удовольствием он выверяет каждый штрих, каждую линию, каждую деталь! Но при всей тщательной предметности этих рисунков от них веет чем-то “космическим”, “потусторонним”.

Дмитрий Плавинский, как правило, не обращается в своем творчестве к каким-либо конкретным событиям прошлого или настоящего. Он мыслит широким временным пространством. Но на выставке экспонируется одна из последних его картин. Называется она “Апокалипсис 11 сентября” и посвящена теме всем известной американской трагедии. Единственное у него подобное конкретное произведение.

Что это – дань времени или начало нового творческого периода? Тогда, быть может, художник обратится и к российским, русским темам? Ведь разных “апокалипсисов” в нашей истории предостаточно.

Евграф КОНЧИН

Крыжурга — 2004 — 30 авг — 6 окт — 17